

Артем КУЛЯБИН

г. Сокол, Вологодская область

*«Сиротский смысл
семейных фотографий»*

(война в лирике Николая Рубцова)

Творчество Николая Рубцова стало заметным явлением ещё при жизни поэта. И после смерти интерес к его лирике продолжал расти: осмысление литературного наследия с годами приобрело последовательный и системный характер, убедительно доказывая несостоятельность всех скептических прогнозов относительно будущего рубцовского творчества. Слово поэта живёт и продолжает волновать читателя. Это движение не является искусственным навязыванием «извне», оно естественно и вполне отвечает нравственным запросам современного общества.

Однако есть и обратная сторона памяти. Печально, но факт: личность и наследие поэта нередко оказываются в плену субъективных суждений, заблуждений, растиражированных до уровня мифа. Например, активно внедряется в читательское сознание мысль об отсутствии гражданственности в рубцовской поэзии. Причём происходит это как со стороны «ревнителей» слова, приверженцев «искусства для искусства», так и со стороны тех, кто усматривает в «чистой» лирике ограниченность и считает это скорее недостатком.

В числе последних, к примеру, – авторитетное мнение Сергея Викулова, назвавшего Николая Рубцова в одном из своих интервью т о л ь к о лириком (*разрядка моя. – А.К.*) и заявившего в этом контексте, что «настоящего великого русского писателя не может быть без любви к своему народу». Бесспорно. Но неужели Рубцов, живший, по его собственному признанию, «в своём народе», не был обеспокоен судьбой поколения, страны? Вряд ли. Уже в 1976 году в первой книге о поэте её автор Вадим Кожин справедливо рассуждал о подлинной народности поэзии Рубцова.

Сергей Викулов последователен в своих суждениях: ещё в начале 80-х в его предисловии к рубцовским книгам «Избранное» (1982 г.) и «Посвящение другу» (1984 г.) пусть и не столь категорично, но звучит упрёк в недостаточно выраженной социальной направленности творчества поэта. В частности, Викулов задаётся вопросом о том, почему у Рубцова практически не представлена военная тематика.

Ответить на этот небесспорный вопрос отчасти помогает точка зрения Валерия Дементьева: «Минувшая война осталась вроде бы за «кад-

ром» лирических стихотворений Рубцова. <...> Но грозное дыхание военных лет ощущается в поэзии Рубцова во всем – и в природе, и в облике деревни, и в характере жителей Севера. По малолетству он почти не помнил и не знал войны, однако ее помнили и знали односельчане, помнил и знал народ. <...> Особая проникновенность поэта в чужую боль, в чужие страдания, его способность сопереживать с другими – все это выявила <...> война».

Очевидно, что война в художественном пространных литературного произведения может быть представлена по-разному. Это вовсе не обязательно батальные сцены, описание трудовых подвигов в тылу, слёзы прощания и триумф Победы (таких стихов у Рубцова действительно нет). Это может быть внутренняя трагедия отдельного человека, которая оказалась родственна целому поколению и потому общественно значима. Сиротство как следствие войны – вот тот личный фактор, через призму которого смотрело на окружающий мир поколение, к которому относился и герой Рубцова. И в этом смысле тема войны имплицитно представлена в значительной части лирики поэта.

Восприятие войны рубцовским лирическим героем соответствует народному мироощущению. С одной стороны, это данность, свершившийся факт, приведший к катастрофическим последствиям: «мать умерла, отец ушёл на фронт» («Детство»), «на войне отца убила пуля» («Берёзы»). С другой стороны, это страх перед новой войной («Русский огонёк») и преклонение перед героикой минувшего («Видения на холме»). Объём и содержание понятия «война» в разных стихотворениях неодинаковы. Наряду с упоминающимися или подразумевающимися конкретными историческими событиями (Великая Отечественная война – «Вспомню, как жили мы...», «Детство», «Берёзы»; Отечественная война 1812 года – «О Московском Кремле»; набеги хана Батыя – «Видения на холме» или Чингисхана – «Шумит Катунь») Рубцов пишет о войне как народном горе в контексте общечеловеческих ценностей («Море», «Русский огонёк»). Интересная деталь: практически все упоминаемые поэтом исторические фигуры имеют непосредственное отношение к военным действиям: Чингисхан, Батый, «грозный Иоанн», Емельян Пугачёв, Наполеон, Ленин, Гитлер.

* * *

В одном из своих самых ранних стихотворений (по предположению Вячеслава Белкова, это был первый поэтический опыт Рубцова) автор по-детски наивно, но предельно чётко обозначит грань, отделяющую войну от мирной жизни:

*Вспомню, как жили мы
С мамой родною –*

*Всегда в веселе и тепле,
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.*

Финал стихотворения обнадеживающий: не потеряна вера в восстановление родственных связей, «счастливое и весёлое» будущее. Много лет спустя эти же трагические факты найдут художественное воплощение в стихотворении «Детство». Здесь мотив прощания приобретает черты обречённости: расставание уже не предполагает скорой встречи:

*...Туман покрыл
Разлуки нашей след...*

Взгляд мальчика и взгляд взрослого поэта: в одном – трогательная непосредственность, в другом – трагическая обыденность: «военная мороза», «детдом на берегу» и оскорбляющее слово «сирота».

...Начало 60-х годов (время вступления Николая Рубцова в большую литературу) – «в поэзии – пора эстрады» (К.Ваншенкин). В этот период активно работает поколение поэтов-фронтовиков, стимул для творчества даёт «оттепель», развенчавшая «культ личности». Многие авторы возвращаются к ранее созданным текстам, корректируя их с учётом изменившихся условий. «Эстрадная» поэзия с её декларативным пафосом пополняется новыми произведениями о войне, в числе которых, например, известное стихотворение Е.Евтушенко «Хотят ли русские войны» (1961) и не менее известная поэма Р.Рождественского «Реквием» (1962). По-другому военная тема представлена в поэзии «тихой». Но даже в близких по стилистическим особенностям текстах (А.Прасолов «Тревога военного лета» (1963), А.Жигулин «В округе бродит холод синий...» (1963) и др.) трудно найти что-то похожее на рубцовский взгляд.

А этот взгляд хорошо просматривается, например, в хрестоматийном «Русском огоньке»

(1964). Конечно, вряд ли можно проводить прямые параллели между стихотворением и конкретными военно-политическими событиями, но, принимая во внимание время написания (разгар «холодной» войны), отрицать подобную связь вообще неправомерно. Эту мысль подтверждает рубцовский эпиграф, сопровождавший одну из газетных публикаций «Русского огонька»:

*Огромный мир
По-прежнему не тих.
Они грозят,
Мы сдерживаем их.*

Сегодня, спустя несколько десятилетий, трактовать оппозицию «мы» – «они» можно предельно широко, но читателю тех лет, вероятно, угроза новой войны представлялась вполне конкретной.

Короткий диалог хозяйки и героя о войне является смысловым центром стихотворения. Об этом можно судить по ранним редакциям «Русского огонька», в которых диалогическая часть текста остаётся неизменной. Разговор этот повсюду необычен: два человека, оказавшиеся вместе среди оцепеневших снегов и деревьев, обсуждают не бытовые, хозяйственные проблемы, а угрозу войны. Ощущается какая-то недоговорённость, но герой и хозяйка без слов понимают друг друга. Их объединяет «сиротский смысл семейных фотографий», запечатлённый как в памяти отдельных людей, так и в исторической памяти русского народа в целом. Не случайно, видимо, собеседники ведут разговор не от себя лично, а от имени своего поколения:

*– Господь с тобой! Мы денег не берём,
– Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Душа – одно из ключевых понятий в стихотворении. С одной стороны, «близких всех душа не позабудет», с другой – русский огонёк горит «как добрая душа». Следовательно, пока горит этот огонёк, память (а значит – преемственность поколений) не оборвётся.

В «Видениях на холме» – другом не менее известном стихотворении этого периода – угроза войны просматривается ещё более отчётливо:

*Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили...*

Кто же это – «иных времён татары и монголы»? Предпринимались попытки «разгадать» рубцовскую метафору (кто-то даже усматривает в черном кресте фашистскую свастику), но, думается, здесь, как и в «Русском огоньке», связывать текст с конкретными событиями было бы недальновидным упрощением, хотя и не учитывать ситуации в стране и мире начала 60-х нельзя. Образ креста в лирике Рубцова многогранен: если в этом стихотворении «чёрный крест» олицетворяет некие (или определённые?) злые силы, то во многих других – крест связывается с судьбой, долей человека или вечным покоем.

В «Видениях на холме» угроза войны представлена в историческом контексте: через «страдания и битвы». В ранних вариантах стихотворения помимо «скуластого Батыя» упоминаются и «бег татар на поле Куликовом», и крах наполеоновской армии. Контраст между светлыми и черными силами, миром и войной усиливает умиротворяющий пейзаж как символ сильной России, способной дать отпор врагу.

Подобную функцию пейзаж выполняет и в стихотворении «Шумит Катунь», где герой слушает, как могучая река

*Поёт <...> таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, –
Они топтали эти берега!*

Примечательно, что близкая Рубцову водная стихия в некоторых его ранних стихотворениях («Море» («Я у моря ходил...»), «Море» («Ветер. Волны с пеной...»), «Сердце героя», «Баренцево море», «Матросская юность») связывается с событиями военных лет, хранит память о погибших героях. Шум океана у поэта – «вечное эхо войны», море – братская могила. Очевидно, Рубцов, служивший дальномерщиком на эсминце Северного флота, имел хорошие представления о морских сражениях. Но если в ранней лирике (50-е годы), во многом ученической и преимущественно одностемной, война, главным образом, – героическое прошлое народа, то в зрелых стихотворениях на первый план выходит её трагедийный смысл.

* * *

*Меня война солдатом не застала.
Чтоб взять винтовку, был годами мал.
Но тоже рос голодный и усталый
И тоже груз на плечи поднимал!
Своим крылом безжалостное время
Махало так, что мой мутился взгляд, –
Недетских слез и всех лишений бремя
Я тоже нес, как будто был солдат!..*

Так звучит стихотворение осетинского поэта Хазби Дзаболова в переводе Николая Рубцова. Дзаболов, чья короткая жизнь была в чём-то сходна с рубцовской, здесь подчёркивает сопричастность к событиям военных лет. Это же самое мог сказать о себе Рубцов, родившийся за пять лет до начала самой смертоносной в истории русского народа войны. Она отняла у поэта всех близких людей, он в полной мере ощутил бремя лишений: и длинные ночи томительного ожидания, и скудный детдомовский паёк. Не будь войны, судьба Рубцова (и поколения Рубцова) сложилась бы иначе. Но война была. Причём не только на полях сражений...

В стихах, лишённых дидактизма и ура-патриотизма, поэт сумел понятными словами выразить настроение и судьбу русского человека, его архетипические представления о добре и зле, жизни и смерти, о преходящем и вечном, о родной земле. В этом гражданственность и народность Рубцова.

Литература

- 1 Белков В.С. Жизнь Рубцова. – Вологда. 1993.
- 2 Викулов С. От Белозерска до Белокаменной: Интервью // Вологодская неделя. – 2002. – 9-16 мая.
- 3 Дементьев В.В. Мир поэта: Личность. Творчество. Эпоха. – М. 1980.
- 4 Рубцов Н. Русский огонёк // Сокольская правда. – 1966. – 21 июля.
- 5 Рубцов Н.М. Собрание сочинений в 3-х т. – М. 2000.

Артём Михайлович КУЛЯБИН

родился в 1983 году.

Окончил филологический факультет

Вологодского государственного педагогического университета,

аспирантуру при кафедре литературы ВГПУ.

Кандидат филологических наук.

Сфера научных и творческих интересов – литературный процесс

и публицистика периода Великой Отечественной войны,

литературное краеведение.

Публиковался в газете «Российский писатель»,

журналах «Вологодский лад», «Север»,

других периодических изданиях.

Живёт и работает в городе Соколе Вологодской области.

